

Идеологи и нарциссы. Мифы всемогущества: рецидивы, обострения, эпидемии

Александр Рубцов, Руководитель сектора философских исследований идеологических процессов, Институт философии РАН. E-mail: roubcov@inbox.ru

Аннотация: Продолжение темы статьи «Идеология и нарциссизм. Мании грандиозности: наблюдение, симптоматика, генезис». Вытеснение проблем, связанных с нарциссическими отклонениями (как и всего, касающегося психопатологии и психиатрии), объясняется драматическими обстоятельствами в биографии социума. Проблему обостряют рецидивы мегаломании в сочетании с обесцениванием, ломкой «первичного нарциссизма» социума, возникавшего на руинах СССР. При всей близости идеологий миссионерства выявляются кардинальные различия эпидемий нарциссизма в США (лидерство в политике, в приватной сфере) и в России (идеализирующий перенос на власть и персонифицированные культы). Мифология сплочения, силы и глобального превосходства представляется «психическим убежищем» (Дж. Стайнер) для страдающих разными формами комплекса неполноценности. Подчеркивается необходимость специальной рефлексии, противостоящей «нарциссическим провокациям» коллективного пациента, соблазнам «аналитической грандиозности» и «всемогущества терапевта». Критикуется глубокое социальное расслоение, открывающее «низам» перспективы нарциссического истощения в состояниях, близких к бреду величия. Анализируется медийная оптика, в которой отражение собственного совершенства заменяется образами грандиозности правления на экранах ТВ и мониторах РС. Исследуются нарциссические эффекты в теневой, латентной, диффузной и «проникающей» идеологии. Фиксация на завышенной самооценке обнаруживается в конкретных идеологемах – от приписывания самим себе миссии воплощения всечеловеческих ценностей до картин «одиочества страны-полукровки».

Ключевые слова: Идеология, политическая патопсихология, эпидемии нарциссизма, вытеснение, обесценивание, компенсация, идеализирующий перенос, бред величия, мегаломания.

«Мне кажется, она похожа на меня, а следовательно, она совершенство»

Мэри из «Аббатства Даунтон»

«Я вот, например, не тычу всем в глаза, что обладаю, мол, колоссальным умом. У меня есть все данные считать себя великим человеком. Да, впрочем, я себя таким и считаю»

Даниил Хармс. «Как я растрепал одну компанию»

1. Вытеснение вытеснения

Тема нарциссизма в политике вообще и в России в особенности вызывает живой интерес, но и мгновенные реакции с желанием её сразу «поставить на место». Заверения в полном самоконтроле и в такой же нелюбви к универсальным отмычкам помогают не всегда. Вам сходу начинают доказывать, что нарциссизм это сильно, но все же частность. Приходится объяснять, что здесь трудно что-то преувеличить с любым «энтузиазмом неофита»: в реальности с политическим нарциссизмом в стране и мире все куда серьезнее, чем кажется и можно сформулировать в рамках приличий.

Удивляют скорость и автоматизм таких ответов, по-своему тоже нарциссических. Преувеличений и генерализаций в этой жизни много, у каждого они свои, но именно нарциссизм в этом плане на особом счету. Такое впечатление, что эта тема, открывая людям что-то новое, больше путает привычную картину. Отсюда потребность маргинализировать сам предмет ещё до начала разговора. Однако настояв на том, что такие отклонения объясняют в наших бедах далеко не все (кто бы спорил!), часто тут же выдвигают свои широкозахватные схемы. Будто сам сюжет провоцирует.

Отчасти сказывается обычная неосведомлённость (чтобы не говорить о провинциализме). Просто ещё не все в курсе, что тема «нарциссизма» в ряде аспектов едва ли не половина всего Фрейда (например, в дихотомии нарциссического и объектного либидо). Нарциссы это не только избранные гении или уроды, а каждый в своём возрасте, характере или обстоятельствах. Нормальный нарциссизм по Фромму восполняет человеку отсутствие у него врожденных инстинктов, спасающих животных, а потому прописан нам самой природой по жизненным показаниям. Гораздо труднее найти место или процесс, где нарциссизма в том ином виде нет. Выявить «ноль нарциссизма» и суть «антинарцисса» – проблема крайне трудная, но решающая. Определения явления нет числа, но и нет внятного понимания, что это такое, когда нарциссизма «нет вообще».

Нередки претензии к якобы некорректным переносам психологического в социальное и обратно – будто ещё у Фрейда и особенно у Фромма все эти экстраполяции не были введены специально и в деталях. То, что нарциссами со спецэффектами бывают не только отдельные люди, но и коллективы, общности, группы, институции, партии, государства и страны, целые идеологии, культуры и цивилизации – все это в теории с самого начала было общим местом.

Не до всех уголков страны дошла информация о том, что нарциссизм уже признан одной из определяющих акцентуаций постмодерна и XXI века. В Штатах эта

эпидемия по оценкам динамики приближается к пандемии. В самосознании американцев эта напасть уже потеснила проблему ожирения нации (кстати сказать, нарциссизм некоторым образом и есть переедание в самооценке и лишний вес «негабаритного Эго»). Кроме того у нас почти не замечен остросюжетный и весьма громкий скандал с заявлениями о нарциссической патологии у Трампа (возможно, из-за ненужных параллелей). И все же наиболее проблемным для нас является нежелание видеть практически ту же эпидемию у себя под боком и в самих себе – будто никто не смотрит телевизор и не догадывается, что такое фиксацией на грандиозном Я.

В нарциссизме нередко видят всего лишь забавную черту характера, не подозревая о его деструктивных, злокачественных формах, разрушающих судьбы людей и целых народов, в истории и в наше время. Разгоряченных американцев можно понять: если есть экспертно подтверждённые подозрения, что глава государства не вполне адекватен, причём именно как нарцисс, то что ещё можно тут «преувеличить»? Особенно если учесть, что нарцисса себе избирают сами нарциссы – хотя и не только они.

Психике вообще свойственно отторжение всего слишком «неожиданного», но одновременно и слишком узнаваемого, особенно из области бессознательных запретов. В самом деле: какое-то забавное, почти анекдотическое отклонение вдруг выдвигается на авансцену с претензиями на плохой диагноз и прогноз с недопустимыми рисками. Это как признать учебную задолженность, когда кажется, что этот предмет можно и вовсе не сдавать.

Есть и более общий контекст дистанцирования от всего «психического» (в политике и не только). У нас просто не принято обсуждать подобные диагнозы в отношении кого бы то ни было – лица или группы. Это как намекнуть на известный беспорядок в одежде – и получить в ответ смертельную обиду. И все же удивительно, что столь резкую, сочную тему у нас, будто специально отворачиваясь, обходят все, кто должен был бы впитаться в неё с профессиональной хваткой. Желтая пресса и сами политики обычно не стесняются заливать друг друга каким угодно чёрным пиаром, но почему-то не этим. В цивилизованном мире все иначе: «Нарциссизм – излюбленный диагноз для политических лидеров любой партии, противостоящей твоей собственной»¹. Когда в 1964 году 1189 психиатров заочно приписали Барри Голдуотеру неполную адекватность, это привело к самому крупному поражению в истории американских выборов. Тоже к вопросу о «преувеличениях».

2. Масштабы бедствия

Вся эта американская история должна бы служить для нас большим зеркалом, в котором через океан можно разглядеть заодно и себя – хотя и в симметричном отражении. Общее у нас то, что и политический, и бытовой нарциссизм во многом спровоцированы именно идеологиями. Для Штатов установки глобальной миссии и

---

¹ Dombek K. The Selfishness of Others. An Essay on the Fear of Narcissism. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2016. URL: <https://us.macmillan.com/excerpt?isbn=9780374712549>

личного успеха одновременно и ресурс, и проблема. В элитных школах жестокая конкуренция и боязнь выпасть в лузеры подсаживает молодежь на вещества, близкие к допингу и зависимости. В России другое – здесь миллионы лузеров зависают на наркотике грандиозности идеализированных Я-объектов – политиков, телеведущих, хакеров и ВКС. А также вставшей с колен державы, выдающейся нации и её славной истории, великой Победы и надежд ещё раз переустроить мир – по нашему проекту.

Нарциссизм приватной самореализации в корне отличен от восторга сплоченной массы, однако в обоих случаях много именно идейного. Строго говоря, в США сразу две эпидемии: собственно нарциссизма – и разного рода общественной, экспертной и терапевтической активности, ориентированной на адаптацию к проблеме. Об оценке положения говорит уже сам характер заголовков: «Narcissism: The Epidemic of Our Time», «The Narcissism Epidemic. Living in the Age of Entitlement», «Today's Central Cultural Theme», «How collective narcissism is directing world politics», «A specter is haunting America: the specter of narcissism», «The Internet 'Narcissism Epidemic'», «Generation me», «The Me Me Me Generation», «Me! Me! Me! Are we living through a narcissism epidemic?», «The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations»... По объему ссылок хватит одного только этого материала со сдержанным представлением: This document provides sources used in The Narcissism Epidemic by Jean M. Twenge and W. Keith Campbell (Free Press, 2009). URL: [Http://www.jeantwenge.com/wp-content/uploads/2017/08/narcissism_epidemic_endnotes_notes.pdf](http://www.jeantwenge.com/wp-content/uploads/2017/08/narcissism_epidemic_endnotes_notes.pdf).

Отдельная тема – уже упоминавшийся скандал вокруг Трампа, поднятый отдельными активистами и сообществом. Эксперты и целые организации (например, Джон Д. Гартнер и движение «Психиатры против трампизма») прямо заявляют, что если бы не пресловутое «правило Голдуотера» (запрет на диагностику вне прямого контакта), им было бы что заявить об особенностях психики пациента и о связанных с этим рисках нации и всего мира². Собственно, этой жалобой на вынужденное молчание и так все сказано.

Однако если Америка свою эпидемию обрабатывает с поистине нарциссическим энтузиазмом, то у нас, наоборот, это один из предметов вытеснения. Наш коллективный нарцисс не просто ощущает себя здоровее всех здоровых (что для данной патологии как раз нормально), но и сам готов лечить всех вменяемых, чем и занимается, располагая для этого практически неограниченным ресурсом. Можно сказать, что непропорциональные бюджеты на пропаганду это практически целиком бюджеты на воспроизводство нарциссической акцентуации политического сознания массы. Особенно если учесть, что безудержное поношение универсального врага – составляющая того же синдрома.

Приходится признать, что проблему во многом обходит стороной и само экспертное сообщество. Специальная литература огромна, но на практике не все однозначно даже для профессиональной среды. Был момент, когда этот диагноз

---

² Подробнее об этом см.: Рубцов А. В. Нарцисс для масс: как психологи рисуют политический портрет Трампа // РБК. 24.11.2017. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/24/11/2017/5a17f5989a7947703f038b79>.

временно исключали из системы DSM (Диагностического руководства по психическим расстройствам)... и именно по причине чрезмерной распространенности явления, близкой к изменению нормы. Позицию быстро вернули, однако в России такой диагноз до сих пор не ставится. В используемой у нас Международной классификации болезней (МКБ-10) он отсутствует (хотя это не мешает при явных отклонениях ставить диагноз F60.8 – «Другие специфические расстройства личности»).

Здесь и в самом деле не исключены лишние генерализации. Та же Кристин Домбек в той же книге о «страхе перед нарциссизмом» призывает к осторожности: «Не слишком ли мы спешим называть обычных гадов нарциссами?»³. Но это вовсе не значит, что тяжёлые нарциссические расстройства не приводят к столь же тяжёлым последствиям. Проблема скорее в том, что для нашего «авось» это... не проблема. Когда по целым категориям пищевых продуктов вдруг выявляют до 80% фальсификата, страну почему-то не взрывает тот факт, что несколько журналистов за день сделали то, что государство со всеми своими надзорами не делало годами, тихо скармливая людям отходы импортозамещения. Должны были заживо сгореть десятки детей, чтобы выяснилось, что даже по приглашенным официальным данным более половины всех ТЦ работают с нарушениями – и будут работать. Страна и дальше будет ждать новых пожаров, с аппетитом употребляя пальмовый пармезан местного производства.

К провоцированию расстройств психики, в том числе массовых, у нас отношение примерно такое же. Для понимания этого не обязательно рыться в текстах идеологического официоза и высказываниях первых лиц. Вообще говоря, в известном нарциссизме «геральдического» самосознания наций нет ничего необычного: от American Exceptionalism и Canadian Identity («Canadiana») до Nihonjinron (Japanese uniqueness) плюс особое достоинство малых государств и народов, «молодые тигры» и т.п. Все, что уже сказано о естественных проявлениях и конструктивных возможностях нарциссизма применительно к творчеству, отдельным личностям и пр.⁴, вполне относится к государствам, национальным и этническим образованиям, наконец, просто к хорошо мотивированным, целеустремленным рабочим коллективам. Вопрос лишь, в какой именно момент такого рода акцентуация из естественной и конструктивной, доброкачественной фазы переходит в фазу патологическую и злокачественную.

3. Партизанщина и контрабанда (новое в тактике идейной борьбы и идеологической работы)

В этой связи важно иметь в виду глубокие изменения в структуре, формах и институтах идеологии, в самой «онтологии» идеологического.

Постсоветская деидеологизация оказалась во многом иллюзорной именно потому, что государственная идеология через некоторое время не просто

³ Dombek K. Op. cit.

⁴ См. в частности: Терминологический глоссарий основных понятий динамической психиатрии. URL: <http://www.simoron.ppole.ru/info/simi/glossarPolo.doc>; Гройс Б. Продуктивный нарциссизм // Moscow Art Magazine. 2016. № 99. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/39/article/791>.

восстанавливается, но и активно мимикрирует, мигрирует в смежные пространства. Центры идеологического производства и обращения сдвигаются от «головных» структур (вроде идеологического отдела ЦК с секретарем по идеологии во главе) в зоны латентной, теневой, диффузной идеологии, оказывающей «проникающее» воздействие косвенно, а часто и вовсе на уровне бессознательного. (Идеологическое бессознательное вовсе не нонсенс, если иметь в виду типичное кантовское *als ob*: люди с гарантиями ведут себя так, «как если бы» они были носителями артикулированных и хорошо осмысленных идеологий). Все это распространяется в режиме «государственной контрабанды» – через каналы и тексты, которые в качестве идеологических не предъявляются и как таковые не опознаются. Не на территории идейного противника, а на своей собственной суверенной территории власть занимается идеологической борьбой в партизанском камуфляже – просто потому что теперь так эффективнее. У постсоветского человека идеологическая идиосинкразия ещё не совсем прошла, и на прямое окормление он пока ещё реагирует по-разному.

Все эти схемы меняют форматы идеологического иногда до неузнаваемости. Например, это могут быть не специальные включения с идеологической проповедью или косвенным промыванием мозгов и даже не сами новостные блоки, а только их регулярные анонсы в рекламных паузах. Именно они многократным повторением инфицируют мозг всеми необходимыми понятиями и чувствами. Таковую идеологию вообще можно делать на одних объявлениях и заголовках. В новостных агрегаторах анонсирующие рамки гораздо важнее и эффективнее самих текстов, часто со своими названиями связанные слабо или никак. «Искусство заголовка» становится самодостаточным – как если бы названия полотен стали важнее самой живописи, даже если она фигуративная. Один только набор слов этой субкультуры говорит за себя: «Абсолютный нокаут от Путина – Запад такого не ожидал», «Бомба, которую взорвал Лавров, рушит правительство Британии», «Вашингтон сражен контрударом Москвы и запросил переговоров», «Это заявление Лаврова тянет на самое мощное высказывание года», «Запад не знает, как уgomонить Россию», «Россия на Донбасе применила невидимое оружие», «Мощь "пучкового оружия": Россия шокирует Америку», «Это невыносимо: Россия сломала боевые военные самолеты США в Сирии», «Ну вот и все: объявлено беспрецедентное решение России по Сирии – США доигрались», «Умоляем, только не это!»: Вашингтон взмолился после ударного ответа Москвы», «Молим, нет сил": в США "согнулись" под ударом Москвы»... И это только во внешнеполитическом, милитаристском сегменте нашей пропаганды. Ещё много такого же про сокрушительные удары пресс-центра МИДа, генпредставительства в ООН, про экономику и торговые войны, в которых мы раз в неделю окончательно добиваем Прибалтику, Украину, а заодно и Америку с её пустым долларом.

Необходимо иметь в виду, что это не просто выставка с шедеврами «искусства заголовков»: всех значимых каналов в том же режиме работают бесчисленные ток-шоу и якобы аналитика. Но это одновременно и срез целых пластов сознания. В этой лексике и в самом этом тоне улавливается главное в психической организации заведенной массы. Это мировоззрение и ополченцев идеологического фронта, и регулярной идеологической армии, её генералов, кадровых офицеров и рядовых бойцов. При всём своём информированном цинизме в итоге они и сами сживаются с

этой картиной мира. Можно, конечно, сказать, что «они так не думают», но проникающая идеология заходит под корку, именно когда люди не думают.

4. Диагностика прямая и обратная

Захватывающее занятие – читать специальную литературу по диагностике психических расстройств, одновременно удерживая в поле зрения характерные образы нашей идеологии и идеологов, политики и политиков.

В чуть поджатом и более живом виде стандарт НРЛ из DSM-5 выглядит примерно так:

- 1) Непомерное чувство собственной важности, гипертрофия самооценки при ограниченности реальных достижений;
- 2) Постоянные фантазии о собственном успехе, силе, блеске и т.п. в условиях остро переживаемого дефицита реального признания;
- 3) Маниакальные попытки навязать себя сообществу наиболее богатых и статусных людей (или стран – *AP*);
- 4) Болезненная потребность в стороннем восхищенном внимании, сопровождаемая характерными вызовами и провокациями;
- 5) Необоснованно высокие ожидания относительно обязанности и готовности других действовать в соответствии с твоими интересами и планами;
- 6) Эксплуативное, паразитарное поведение в общении; откровенно грубое, неприкрытое использование других в собственных целях;
- 7) Ноль эмпатии и элементарного интереса к кому-либо, кроме себя;
- 8) Зависть к более успешным людям (или странам – *AP*) с разглагольствованиями о том, как тебе все завидуют и потому гадят;
- 9) Высокомерие и оскорбительная надменность в поведении и взглядах.

Или, например, так: «1) Грандиозное чувство самозначимости; 2) захваченность фантазиями неограниченного успеха, власти; 3) вера в собственную уникальность; 4) потребность в восхищении; 5) чувство привилегированности; 6) эксплуатативность в межличностных отношениях; 7) отсутствие эмпатии; 8) зависть к достижениям других; 9) вызывающее поведение»⁵. Кроме того нарцисс ненормально монологичен⁶. Добавьте безудержное хвастовство, имеющее мало общего с реальностью, истерическую реакцию на критику и приступы гнева по отношению ко всему, что мешает идеализации любимых образов.

Здесь все слишком узнаваемо, чтобы что-то специально привязывать к нашим реалиям. Однако для живой аналитики здесь всегда есть симметричный риск – поставить «нужный» диагноз политическому оппоненту, тем более врагу. Такие сеансы слишком удобны как средство борьбы или просто идейной мести (как если бы психоаналитик и пациент в жизни делили власть, женщину или бизнес). Особая

⁵ Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Личностные расстройства. СПб: Питер, 2010. С. 140.

⁶ О концепции «Радио-Я» см.: Kernberg O. Borderline Conditions and Pathological Narcissism. New York: Jason Aronson. 1975.

рефлексия необходима здесь не только во имя научной добросовестности, но и для обеспечения рабочего контакта, если речь идёт о пациенте. Обычную диагностику здесь всегда будут сначала воспринимать как нечто из области политических вооружений, наращивая дополнительные защиты и встречную агрессию.

Техники такого рода самоанализа неплохо проработаны. Считается обязательным самому аналитику отслеживать собственные нарциссические склонности и приемы. Это необходимо, чтобы выдерживать «нарциссические провокации» клиента, не вступая с ним в «автоматическую конкуренцию», не гнобить его «психоаналитической властью» и собственной «терапевтической грандиозностью». В политическом анализе с этим еще сложнее. В таких контактах даже в не самых запущенных случаях срабатывает эффект «временной глухоты», как у невоспитанных собак. Если писать не для удовольствия, а для хотя бы намёка на эффект, приходится опасаться, что в аудитории, более широкой, чем клуб друзей и единомышленников, вас просто не станут слушать.

Желательно также трезво оценивать возможности самой идеологии. Н. Бердяев заметно спрямлял проблему, когда писал: «Главное зло, главное страдание в жизни общества определяется не столько тем, что люди индивидуально дурные или злые, сколько дурными и злыми идеями, которыми они одержимы... Зло и страдание, причиненные каким-нибудь Торквемадой, Филипом II, Робеспьером и многими другими, их жестокость определялись не тем, что они были злые и дурные люди..., а тем, что они были одержимы злыми идеями и верованиями, представляющимися им хорошими и высокими»⁷. С.П. Франк будто специально полемизирует с этим тезисом: «В вопросе о нравственной судьбе человечества... есть одно чрезвычайно распространенное и вредное заблуждение. Это – тенденция усматривать источник нравственного зла в определенной системе идей... Нужно помнить, что почти нет идей, которые не содержали бы элемента благотворной правды, и нет идей, которые, взятые односторонне, не смягченные и не уравновешенные другими идеями, не подчиненные чувству конкретной правды и нравственному такту, не порождали бы зла. Истина и заблуждение, благотворность и зловедность по общему правилу проистекают не из содержания идеи, взятой отвлеченно, а из наличия или отсутствия интуиции конкретной правды, побуждающей так комбинировать и уравновешивать идеи, чтобы их итог соответствовал правильной жизненной установке и имел благотворные последствия»⁸.

В связи с этим в идеологическом нарциссизме необходимо различать грандиозную напыщенность содержания, которому идеология должна соответствовать (например, завышенным самооценкам класса, государства, этноса или нации, массы или вождя) – и все те качества нарциссической натуры, которые присущи уже самой идеологии, как форме и жанру. «Герой» идеологии должен быть вполне доволен собой – но и сама идеология обычно видит себя интеллектуальным произведением особого рода – грандиозным, исключительным и совершенным. Обычно главным действующим лицам идеологических «пьес» надо слишком много о себе думать, чтобы думать о себе

⁷ Бердяев Н. Опыт эсхатологической метафизики. Париж, 1947. С. 194-195.

⁸ Франк С. Л. С нами Бог: три размышления. Париж: YMCA-press, 1964. С. 272-273.

такое, но и сама идеология обычно думает о себе все, что положено по DSM. Это выражается в великолепии замысла и формы, в самом выборе уровня претензий и масштаба идеи. Даже если идеолог по жизни не отождествляет себя с героем-заказчиком, он должен мысленно ставить себя на его место уже по технологии работы, в рамках профессиональной эмпатии. И тут выясняется, что заказчик идеологии это почти всегда выраженный нарцисс в поисках идеального портрета.

Подобно юноше из мифа, идеологии и их герои всматриваются не столько в себя, сколько в собственные отражения. Отсюда эффект «льстивого зеркала». Как известно, Нарцисс умер не только от неразделенной любви к себе, но и от банального голода. Этот образ – обобщающая метафора фиксации даже не на себе, а на собственном отражении, с полным отрывом от реальности и классическим влечением к смерти. Как в притче о напряженном диалоге блондинки за рулём с зеркалом заднего вида: «Свет мой зеркальце, скажи, я ль на свете...» – «Смотри на дорогу, дура!».

5. Субъекты и структуры. Травмы «трудного детства». Сектор VIP и коллективный пациент

Такого рода аналогии нужны не для литературного эффекта. Образы проявляют формальную структуру, а метафорика своей отвлечённостью повышает уровни абстракции. Иносказание всегда «отвлекает», хотя и опирается на индивидуальность примера; в этом античный миф и относительно свежий анекдот равноценны. Юноша, зеркало водоёма, отражение, попытка контакта; блондинка, зеркало заднего вида, снова диалог с отражением и неудачной попыткой поговорить... Если иносказание понято, значит схвачена сама конструкция смысла, схематизм формы. В сухой графике генплана тоже обычно больше эстетики и сути, чем в снимке из космоса.

В нашем случае такое абстрагирование полезно, чтобы в итоге освободиться от натуралистической привязки исследуемой коллизии к поведению наделённых психикой существ. Формирование общего нарциссического контура в идеологии и политике зашло уже так далеко, что в анализе более продуктивной становится работа с бессубъектными структурами и квази-субъектами. Типичное «восстание машин». В качестве таковых выступают «социум», «власть», «политика», «пропаганда», наконец, сама «идеология». Так, «идеология» или «политика» могут вести себя как начинающие или законченные нарциссы уже независимо от того, какими реальными человеческими силами эти выходящие из-под контроля «машины идеи» обслуживаются. И тогда это уже не диагноз в обычном смысле слова, но характеристика бессубъектной структуры, в которой «характер» проявлен лишь как её собственный, внутренний алгоритм.

Чтобы это не выглядело мистикой, можно привести хотя и гипотетическую, но реальную схему. Люди, по роду своей творческой или исследовательской работы касающиеся идеологии, пытаются угадать подразумеваемый «заказ» власти. Делается это из соображений конъюнктуры, и в этом они идеологически нейтральны. В системе теневой, якобы негосударственной («ихтамнет») идеологии этот заказ в прямом виде сверху не поступает, он только угадывается, но именно поэтому интуиция может не успевать за началом нового цикла в изменении конъюнктуры. Например, люди,

продолжая думать, что тема «модернизации» (смены вектора, диверсификации, опоры на экономику знания, человеческий капитал и т.п.) в идеологии провалена и закрыта, будут обходить эти кажущиеся им скользкими сюжеты, делая акцент на самобытности, традиции, духовности, идентичности, культурных кодах и скрепах. Одновременно это будет ориентации по преимуществу вовне, без лишних акцентов на собственных, внутренних проблемах. А потом выяснится, что они просто не успели уловить начало противоположного хода маятника, вновь устремляющего Россию в грандиозное будущее, но и пытающегося развернуть её к себе. Просто на этот раз эвфемизмами «модернизации» становятся цифровая экономика, искусственный интеллект, технологический прорыв и биткоины.

Продолжая логику примера, можно допустить, что идеологическая машина, ведомая своей инерцией и вовлекающая в неё других, в состоянии создавать ситуации (например, временного зазора), в которых люди несамостоятельны либо бессильны. Одни ошибаются в достижении откровенно конъюнктурных целей, другие не вполне контролируют низовую инициативу, даже если она искренне старается следовать конъюнктуре. Иногда только кажется, что люди решают свои проблемы при помощи идеологии. В запущенных случаях может быть наоборот: идеология ведёт себя как самостоятельный субъект, диктующий свою волю обслуживающему персоналу – стратегам, технологам, текстовикам, трансляторам и медиаторам, а через них – властям и массам. В итоге и сам нарциссизм в идеологии и политике начинает вести себя так, как если бы расстройство располагало самостоятельной субъектностью, собственной волей и даже подобием машинной «психики». Если может быть «тело без органов», то в наших условиях тем более возможна идеологическая «машина без мозгов».

При этом совершенно неважно, насколько буквально или, наоборот, метафорически воспринимается сама эта схема. Один и тот же сюжет: в «восстании машин» и в рассуждениях об искусственном интеллекте в условиях деградации интеллекта естественного. По крайней мере в идеологии этот вышедший из-под контроля аппарат уже реально работает – без человека и против него. Условно можно допустить, что даже если в стране не останется ни одного индивида хотя бы с минимальным нарциссическим отклонением, этот бессубъектный нарцисс какое-то время будет по инерции воспроизводить сугубо нарциссические алгоритмы, скорее всего злокачественные.

Нарциссизм этого бессубъектного нечто по идее должен иметь и собственную предысторию – генезис расстройства. Как минимум, у него есть советская предыстория, история начального постсоветского периода и, наконец, новейшая история начала XXI века. За все это время самые разные лица, группы и массовидные образования испытывали различные воздействия на психику, в том числе в плане формирования нарциссической предрасположенности в той или иной степени. Однако индуктивно суммировать все это многообразие векторов невозможно, не утонув в бесконечных дифференциациях. Зато у бессубъектного нарцисса своя понятная и обозримая история болезни и своя биография, иногда будто специально прожитая и написанная, чтобы стать идеальным примером в учебнике политпатопсихологии.

Классическая объяснительная схема возникновения нарциссических отклонений связана с нарушениями на начальных стадиях становления личности. «Первичный

нарциссизм» младенца обусловлен идеальной комфортной неотличимостью себя от мира, когда все жизненно необходимое – тепло, питание, уход – появляется «само» и до возникновения самого желания, с упреждающей заботливостью. В этом мире младенец в полной мере обладает грандиозностью и всемогуществом. Позже это его собственное великолепие передается восхищенному взгляду матери вместе с всемогуществом исполнения желаний. Эксцессы возникают, даже если только это состояние задерживается. Девочка двух с половиной лет впадает в самую настоящую истерику, оттого что мать не останавливает дождь, мешающий идти гулять.

Детский нарциссизм нормален, а взрослые нарциссические патологии чаще всего вызваны нарушениями в переживании этого периода. Если этап естественного, но преходящего самообожания неправильно пройден, то в дальнейшем это компенсируется нарциссизмом взрослым и патологическим. Этот дефицит взрослый нарцисс может компенсировать в каких угодно, в том числе в самых злокачественных формах. К биографиям политических нарциссов и даже постоянно перерождающийся режимов и социумов это тоже относится.

Такого рода инвестированные еще из детства расстройства могут иметь двоякую природу: либо ребёнка чрезмерно избаловали и перехвалили – либо, наоборот, он не получил на стадии первичного нарциссизма нормальной дозы любви, заботы и восхищения со стороны «важных близких», прежде всего матери. Условный «советский человек» жил с ощущением особой избранности места своего рождения, с которым была связана миссия глобального лидерства на пике исторического прогресса. Но этот же человек, избалованный грандиозностью известного рода, заново родился в человеке постсоветском и в этом своём новом качестве пережил период идеологической, морально-политической, социальной и всякой прочей заброшенности. Вместо необходимой первичному нарциссизму поддержки и поощрения он получил резкое обесценивание и изрядную дозу издевательств, идеологических и не только. Все это он получил и лично, и как гражданин «зависшей», если не сказать «опущенной» страны, и как часть социума, который за все это сложное, но по-своему выдающееся время не удостоился ни одного доброго слова кроме отборной идеологической брани. Место для будущего закомплексованного нарцисса было подготовлено идеально. Теперь остаётся только растревлять эту травму трудного детства, постоянно возвращаясь к «ужасам девяностых» и предлагая взамен искусственно создаваемое отражение грандиозности нового политического целого. Из символов и персонификаций такой целостности легко получается идеальный Я-объект для идеализирующего нарциссического переноса.

Вместе с тем, это квази-монолитное целое при более внимательном анализе раскрывается крайне сложным комплексом, внутри себя резко дифференцированным идеологически и политически, в плане социальном и функциональном, а заодно и в том, что касается психопатологической организации. Достаточно сказать, что один и тот же синдром, воплощаемый в идеологии и политике, далеко не всех подвигает к нарциссическому истощению. Наоборот, для отдельных пород нарциссов он опасен скорее проблемами с перееданием. Для них же нет проблем с контактом с собственным глубоко обожаемым отражением: любовь к себе, оставаясь гипертрофированной, а потому не совсем нормальной, оказывается вполне счастливой и состоявшейся, что и

демонстрируется городу и миру с поистине нарциссическим самообожанием, тщеславием... далее следует половина симптомов из списка DSM.

Кроме того нарциссизм идеологов, аналитиков, комментаторов, ведущих и записных участников как бы дискуссионных программ может быть подлинным либо наведённым, патологией либо игрой. Он может быть «восходящим», когда человек нарциссическим переносом поднимает себя из грязи, либо «нисходящим», например, когда вчерашний независимый журналист вводит себя в стандартный нарциссический контур идеологии и пропаганды, только чтобы восстановиться в эпицентре профессии. Наконец, нарциссизм такого рода может быть «мерцающим», когда субъект входит в роль и временно всерьёз подвигается рассудком, а потом быстро приходит в себя, буквально по дороге в буфет или домой. Но и тогда остаётся вопрос об остаточных явлениях этих маятниковых превращений, как в «Волке». Подробные эффекты могут наблюдаться как у адептов классических, традиционных идеологий, так и у совсем современных, свежих нарциссов.

Эти различия требуют предельно внимательной дифференциации отношения к проявлениям идейного, политического и социального нарциссизма в сложной структуре социума. Нарциссизм верха и низа, вождей и масс может иметь очень тонкую общую прослойку, в остальном разделяясь на прямо противоположные синдромы, например, тяготеющие к гиперреализации либо к компенсации неполноценности. В наших реалиях весь этот нарциссический комплекс расслаивается на фракции с различными, а то и противоположными функциями и характеристиками, что особенно заметно в работе с идеологической составляющей.

Идеологию вообще принято рассматривать как «сознание для другого», транслирующее «социальную ложь» с целью идейно-нравственной легитимации власти, существующих отношений господства и подчинения, реалий перераспределения разного рода ценностей и пр. Даже если ограничиться столь авторитетным подходом, сразу встаёт вопрос об идеологической вменяемости участников этого контура. Обман уже предполагает понимание обманщиком существа лжи, а значит определение идеологии как «добровольного заблуждения» применимо только к объектам идеологического воздействия – либо к ситуации идеологического самообмана, которая плохо вписывается в критерии «сознания для другого». Но тогда в какой мере можно говорить о нарциссических патологиях в политическом истеблишменте как заказчике и трансляторе идеологии? Поскольку сомнений в наличии таких патологий в нашем истеблишменте нет, приходится признать, что это какой-то особый род нарциссизма, существенно отличающийся от нарциссизма масс, «низов». Один и тот же синдром, но по-разному реализуемый на социально-психологической фактуре внушающих и внушаемых.

Здесь тоже есть свои дифференциации. Все это по-разному переживается не только в элитах и массах, но и отдельными субъектами в одних и тех же стратах. Есть проблемы памяти, возраста и т.п. Одним не дают если не забыть, то осмыслить и «переварить» негатив «лихих девяностых». Другим, прежде всего новым поколениям, знающих о периоде «очень трудного детства» новой России только со слов пропаганды, травму навязывают задним числом. В этом плане идеологический актив занимается одновременно и внушением и самовнушением. Люди хорошо знают, где и сколько они

привирают, но постепенно и сами начинают верить себе – хотя бы для поддержания психической стабильности и равновесия. Тем более это сложно, когда гипертрофия самооценки и легендирование собственной грандиозной миссии сочетаются со старыми и новыми обидами, с болезненным переживанием прошлых и будущих унижений.

Что касается нарциссического комплекса в сознании и бессознательном массы, то здесь могут быть принципиальны, как минимум, два обстоятельства. Прежде всего это небывало мощные процессы индоктринации и инфицирования. Нарцисса здесь самым очевидным образом воспитывают и культивируют – производят. Типичное «вменение невменяемости». Любые, в том числе вышеприведённые, обоснования естественности этого состояния сознания и бессознательного ограничиваются пониманием масштабов охвата и интенсивности работы этой машины внушения, а также надёжности блокировки любой сколько-нибудь результативной «контридеологической аналитики» (как выражается Эрих Соловьев). Такого рода рефлексия возможна, в определенных режимах она востребована и самой властью, однако в целом все это изделия никак не для массового пользования. Для власти это скорее морально-политическое алиби – или уяснение причин собственной идеологической эффективности, пожалуй, беспрецедентной в истории человечества.

Вся эта идеологическая, морально-политическая, социальная и чисто гуманитарная конфигурация достаточно сложна, чтобы её можно было хотя бы в первом приближении проработать в аутентичной логике мифа о Нарциссе – хотя бы в пределах «Метаморфоз». Однако и сам миф в своей ценностной и смысловой структуре гораздо сложнее, чем изложение Куном нарратива Овидия, а тем более в бытовых пересказах. Этот смысл многомерен и более походит на пространственную композицию множества зеркал с отражающими друг друга отражениями. Эта модель многократного «отражения в отражении» здесь принципиальна. Нарцисс отражается в зеркале воды и «в себе», Эхо отражается в Нарциссе и сама звучит только как отражение. Нарцисс и Эхо отражаются друг в друге и как дополнительные рефлексии: он – отражённое изображение, она – отражённый звук. Плюс усиливающее взаимоналожение разрыва «слышимости» и «видимости».

В нашем изоморфизме это, конечно же, не проблема координации телевидения и радио и даже не вопрос конкуренции «ящика» и прессы, в том числе электронной. Это проблема соотношения видимого и слышимого, прямого наблюдения и идеологической индоктринации, в конечном счете – взгляда и смысла. Иначе говоря, это проблема соотношения, местами разрыва «картинки» и слова, причём картинки одновременно и на экране, и на сетчатке, как взгляд комментатора-идеолога – и «взгляд из окна».

В этом плане на редкость сложно выстроенный античный миф отсылает не только к теме трагической самовлюблённости, но и к не менее близкой современности трагедии разрыва коммуникации, в том числе внутренней – с самим собой. Это можно было бы счесть лишней красотой, если бы не одно более чем реальное, почти всеми замеченное, но мало изученное обстоятельство. В последнее время оказывается все труднее объяснить одновременное присутствие двух противоположных реакций: поддержки и недовольства. Все большее число даже не аналитиков, а простых обывателей приводит в недоумение явный парадокс: росту недовольства практически всеми жизненными реалиями сопутствует восторг сплочения вокруг известных и

именно идеологических символов, в том числе персонифицированных. Одни и те же «простые люди» в бытовом общении постоянно доводят этот парадокс до предельного воплощения: они последними словам характеризуют буквально все... кроме эпицентров власти, за все эти бедствия прямо ответственных. Почти немислимое сочетание ненависти и восторга, причём по подлинной сути, к одному и тому же. Одновременно это проблема беспрецедентной идеологической внушаемости, реализуемой на фоне катастрофического разрыва между слышимостью и видимостью (как в анекдоте про врача «ухоглаза»). Но тут люди видят одно, слышат другое – и это их не смущает.

Когда в начале 2000-х «жизнь» реально улучшалась, пусть и за счет перераспределения остатков сырьевой ренты, идеология была не нужна. Потребность в форсированной реидеологизации возникла с опасным падением рейтингов накануне местоблюстительства Медведева. Однако первые идеологические опыты стратегического масштаба были достаточно приближенными к проблемной реальности и в этом все же тяготели к прагматике (имеется в виду все, что сопровождало подготовку Стратегии-2020 и таинственного «плана Путина»). Настоящая идеология отрыва от проблемной реальности, приведшая к разрыву символики и прагматики (в том числе идеологического «Нарцисса» и информационного «Эхо»), возникла лишь начиная с 2010 года, когда подобие идеологии «знания и будущего дела» сменили на мифологию «духа и гордости за прошлое».

Это вовсе не означает, что такой разворот «все вдруг» был обусловлен только провалом так толком и не начатой модернизации. Модернизационный проект готовился именно как программа Путина, хотя и под выборы Медведева. За время местоблюстительства он слишком сросся с образом Медведева, а потому возвращение Путина пришлось обставлять принципиально новыми идеологами и идеологеммами. Не было ничего проще, чем развернуть идеологию на 180 градусов. Однако можно предположить, что если бы и «медведевский» срок Путин провёл в Кремле, подобных разворотов «все вдруг» не было бы – хотя бы потому что важнейший идеологический принцип гласит: вождь не может ошибаться. Не очень удобно и ловко так круто разворачивать самого себя. Поэтому при таком ходе событий мы скорее всего и сейчас спокойнее относились к модернизационной риторике, а не прятали бы её за слишком непривычными и во многом случайными эвфемизмами.

Тем не менее, парадокс крайне возмущённой гиперлояльности находит хотя бы частичное разрешение в резком разделении внутреннего и внешнего, якобы социальной экономики и почти военной дипломатии. Все необходимое для успешного нарциссического переноса и связанной с ним компенсации выведено вовне, в том числе и потому, что это отражение гораздо легче контролировать, редактировать и просто формировать – в отличие от местных всеми непосредственно наблюдаемых реалий. Глобальная гордыня и бытовые неурядицы, иногда почти катастрофические оказываются никак между собой никак не связаны. Более того, низовой нарцисс и в самом деле пока проявляет готовность голодать без отрыва от созерцания картин небывалого величия державы.

Но сейчас проблема в том, что и внешнеполитическая, и якобы военная грандиозность оказываются под вопросом. Если это ещё не дошло до масс, это уже вполне понимают в верхних эшелонах. Здесь надо спасать рассыпающиеся основания

для нарциссического самодовольства и самовлюблённости, но делать это приходится в той же логике нарцисса, никогда и ни в чем не поступающего своей неподражаемой грандиозностью. Это порождает весьма экзотические конструкции в идеологии, призванные любой ценой спасти в грандиозное величие «нарцисса в изоляции» – начиная с идей «отстраненности» от бывших мировых центров притяжения⁹ [Лукьянов, Миллер 2016] до глобального, почти космического «одиначества» «страны-полукровки»¹⁰ [Сурков 2018]. Интересный случай сочетания волевой трансформации «дефицитарного» или «уязвимого» обиженного и крайне уязвимого для критики нарцисса в нарцисса «грандиозного» – если не наглого харизматика, то в любом случае субъекта с раздутым самомнением, экстраверта и манипулятора.

Во всем этом слишком явно проступает упреждающий ответ на перспективу практически полной изоляции. Это связывает нынешний политический нарциссизм с ещё одним центральным сюжетом мифа. Трагедия Нарцисса начинается с того, что он никого не любит – с той же отстраненности, ведущей к одиночеству.

То было не просто событие личной жизни, но наказание богов, причём не только за оскорбленную и измученную Эхо. С просьбой о наказании обратились также толпы вполне взрослых древнегреческих мужчин, которым Нарцисс также отказал. Они же подсказали и формат кары. Вывод очевиден: если в этом мире тебе никто не нужен, это вовсе не нейтральная позиция.

Для политической патопсихологии этот миф просто неисчерпаем.

Литература

Бердяев Н. Опыт эсхатологической метафизики. Париж: YMCA - PRESS. 1947.
Гройс Б. Продуктивный нарциссизм // Moscow Art Magazine. 2016. № 99. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/39/article/791>.

Короленко Ц.П., Дмитриева Н. В. Личностные расстройства. СПб: Питер, 2010.
Лукьянов Ф.А., Миллер А. И. Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf.

Рубцов А. В. Нарцисс для масс: как психологи рисуют политический портрет Трампа // РБК 24.11 2017.
URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/24/11/2017/5a17f5989a7947703f038b79>.

Сурков В. Ю. Одиначество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. 2018, № 2 март/апрель. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477>.

Терминологический глоссарий основных понятий динамической психиатрии.
URL: <http://www.simoron.ppole.ru/info/simi/glossarPolo.doc>.

---

⁹ Лукьянов Ф.А., Миллер А. И. Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf.

¹⁰ Сурков В. Ю. Одиначество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. 2018, № 2 март/апрель. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477>.

Франк С.Л. С нами Бог: три размышления. Париж: YMCA-press, 1964.

Фрейд З. О нарцизме.

URL: https://royallib.com/get/rtf/freyd_zigmund/o_nartsizme.zip.

Dombek K. *The Selfishness of Others. An Essay on the Fear of Narcissism*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2016. Available at:

<https://us.macmillan.com/excerpt?isbn=9780374712549>

Kernberg O. *Borderline Conditions and Pathological Narcissism*. New York: Jason Aronson. 1975.

References

Berdyayev N. *Opyt eshatologicheskoi metafiziki* [Experience an Eschatological Metaphysics], Paris, YMCA – PRESS. 1947.

Dombek K. *The Selfishness of Others. An Essay on the Fear of Narcissism*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 2016. Available at:

<https://us.macmillan.com/excerpt?isbn=9780374712549>

Frank S.L. *S nami Bog: tri razmyshleniya* [God with Us: three meditations], Paris, YMCA-press, 1964.

Freud S. *O nartsizme* [On Narcism] Available at:

https://royallib.com/get/rtf/freyd_zigmund/o_nartsizme.zip

Groys B. Produktivni' nartsisizm [Productive Narcissism]. *Moscow Art Magazine*, 2016, no 99. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/39/article/791>.

Kernberg O. *Borderline Conditions and Pathological Narcissism*. New York, Jason Aronson, 1975.

Korolenko Ts. P., Dmitrieva N. V. *Lichnostnye rasstro'stva* [Personality Disorder], Saint Petersburg, Piter, 2010.

Lukyanov F. A., Miller A. I. *Otstranennost' vmesto konfrontatsii* [Detachment Instead of Confrontation: Post-European Russia in search of self-sufficiency]. Available at:

http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf

Roubtsov A. Nartsis dlya mass: kak psichologi pbcuyut politicheski' portret Trampa [Narcissus for Masses: how psychologists draw the political portrait of Trump]. RBK [RBC], November 24, 2017. Available at:

<https://www.rbc.ru/opinions/politics/24/11/2017/5a17f5989a7947703f038b79>

Surkov V.Yu. *Oдиночество полукровки (+14)* [Loneliness of the Half-blooded (+14)], *Russia in Global Affairs*, 2018, no. 2, March/April. Available at:

<http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Oдиночество-полукровки-14-19477>.

Terminologicheski' glossari' osnovnyh ponyati' dinamicheskoi psihiotrii [Glossary of Key Concepts of Dynamic Psychiatry]. Available at:

<http://www.simoron.ppole.ru/info/simi/glossarPolo.doc>.

Ideologists and Narcissuses. Myths of omnipotence: relapses, aggravations, epidemics

Alexander Rubtsov. PhD in Philosophy, Head, Department of Philosophical Studies of Ideological Processes, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Abstract: The author continues work on problems presented in the former article *Ideology and Narcissism. Manias for grandiosity: observation, symptomatology, genesis*. Repression of topics related to narcissistic deviations (as everything close to psychopathology and psychiatry) is determined by dramatic biography of society. The problem aggravated by relapses of megalomania combined with devaluation of the "primary narcissism" of the society that has arose on the ruins of the USSR. Despite similarity of missionary ideologies there are significant differences in the epidemics of narcissism in the USA (leadership in politics, private sphere) and in Russia (idealized form of transference to power and personified cults). Mythology of cohesion, strength and global supremacy seems to be a "psychic shelter" (J. Steiner) for those who suffer from various forms of the inferiority complex. The need for special reflection that opposes the "narcissistic provocation" of the collective patient, the temptations of "analytical grandiosity" and "the omnipotence of the therapist" is stressed in the article. The author presents critique of deep social stratification which opens to the deprived social groups the future of narcissistic exhaustion close to delirium grandeur. Media optics is being analyzed showing how the reflection of own perfection is replaced by images of the power grandiosity on TV screens and PC monitors. Narcissistic effects are investigated in the shadow, latent, diffuse and "penetrating" ideology. Fixation on overestimated self-esteem is revealed in specific ideological constructions - starting from own attributing the mission to embody universal values up to the works presenting "loneliness of the half-blooded country."

Keywords: ideology, political abnormal psychology, epidemics of narcissism, psychological repression, depreciation, compensation, idealizing transference, delirium grandeur, megalomania.